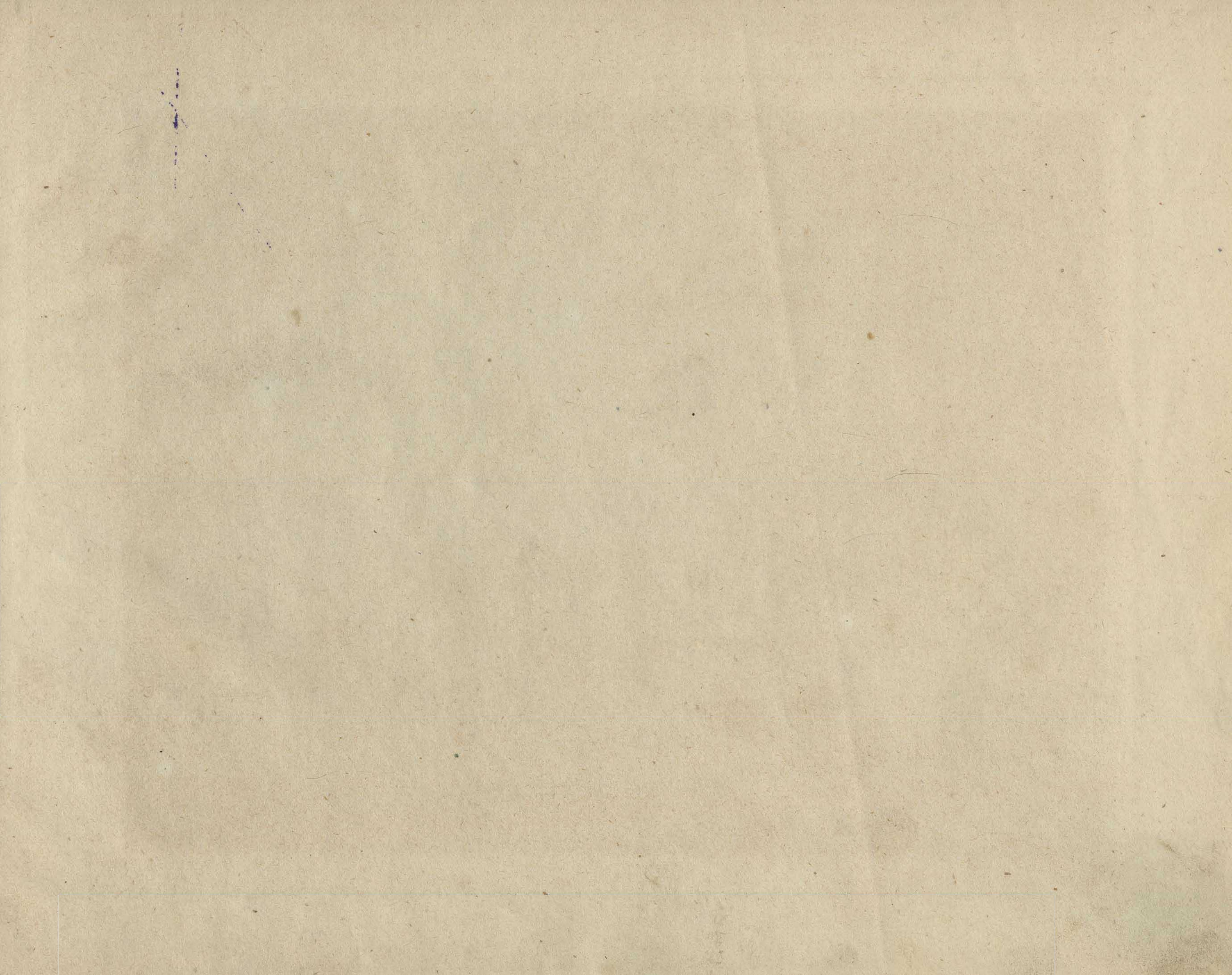

ПЕРВАЯ КНИЖКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТОКЪ.
сочиненіе
А. ПЧЕЛЬНИКОВОЙ.
ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

RFID
2018815012

ПЕРВАЯ КНИЖКА
ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТОКЪ.

РАЗСКАЗЫ И СКАЗОЧКИ

СЪ КАРТИНКАМИ.

Текстъ А. ПЧЕЛЬНИКОВОЙ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1870.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 23 іюля 1869 года.

Печатано въ типографіи м. о. вольфа (спб., по фонтанкѣ. № 59).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Госпожа Цвѣткова сидѣла у своего рабочаго столика и что-то прилежно шила. Дѣти ея, Коля и Надя, усѣлись подлѣ нея на своемъ диванчикѣ и съ большимъ вниманіемъ разсматривали большую книжку съ картинками, которую нѣсколько недѣль тому назадъ подарили имъ на елку. Должно быть, книжка эта очень занимательна, потому что Коля и Надя не перестаютъ ею любоваться и по нѣскольку разъ въ день ее перелистываютъ. Пожалуй, заглянемъ и мы въ нее. А! на первомъ листѣ все кушаютъ! и Надя этотъ листокъ съ особеннымъ удовольствіемъ всегда разсматриваетъ. Вотъ тутъ, напримѣръ, сидятъ три зайчика, шевелятъ своими длинными ушами и съ наслажденіемъ лакомятся капусткой. Зайчики вѣдь большіе до нея охотники! Тамъ бѣлая, какъ снѣгъ, козочка щиплетъ у забора сочную травку. Далѣе проворная кошечка гоняется за такой же проворной мышкой, а тутъ пара журавлей стоятъ на своихъ длинныхъ ногахъ и ловятъ въ болотѣ лягушекъ и улитокъ;—ну, это, пожалуй и не такъ хорошо; посмотримъ лучше на коровку, которая пасется на лужку, покрытомъ густою зеленою травкой; или на лошадокъ, которыя стоятъ въ конюшнѣ у яслей и кушаютъ овесъ. Пониже мы видимъ маленькую крестьянскую дѣвочку, въ коротенькой красной юбочкѣ, съ корзинкою въ рукахъ: она кормитъ своихъ курочекъ ячменными зернами, не исключая и гордаго Петеньку-пѣтушка, съ золотистыми перьями около шеи и ярко-краснымъ гребнемъ. Пѣтушокъ, вѣроятно, въ знакъ радости, собирается прокричать ку-ку-ре-ку! ужъ онъ поднялъ головку и раскрылъ свой клювъ. Между тѣмъ маленькій мальчикъ, можетъ быть, братъ дѣвочки, кидаетъ гусямъ тоненькіе ломотки рѣпы, и гуси, вытянувъ шеи, съ жадностью хватаютъ ихъ на лету и проглатываютъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ смотритъ всегда Коля на большую собаку и на мальчика, стоящаго подлѣ нея на крыльцѣ. Маленькому этому мальчику подарилъ кто-то цѣльную колбасу, и онъ, поворачивая ее и осматривая съ наслажденіемъ, собирался вдоволь ею полакомиться, — какъ вдругъ собака, привлеченная вѣроятно вкуснымъ запахомъ, приподняла свою большую голову и выхватила ее изъ рукъ мальчика! Надя также улыбается, смотря на хитрую собаку; но глазки ея стремятся больше къ средней картинкѣ: тамъ изображенъ столъ, а на столѣ стоитъ корзина, наполненная фруктами, и какими отличными! Тутъ вы видите и золотистыя сливы, и большія кисти винограда, и румяные персики, подернутые

пушкомъ, и чудныя сочныя груши! Ручки Надины такъ сами собой и протягиваются къ нимъ! Что, еслибы въ самомъ дѣлѣ можно было взять ихъ? Подлѣ стола стоитъ женщина съ деревянною кадочкою масла въ рукахъ. И это недурно: хлѣбъ съ масломъ почти всѣ дѣти очень любятъ; совѣтую имъ только намазывать потоньше, потому что все слишкомъ жирное нездорово. Надинька, однакожъ, смотритъ равнодушно на кадочку съ масломъ, она больше любитъ сладкое: — хлѣбъ съ медомъ. Ну, больше на первомъ листѣ, кажется, ничего нѣтъ. Посмотримъ второй. А! тутъ представлена зима. Все бѣло: снѣгъ покрылъ и дорогу, и поля, и крыши домовъ, а деревья стоятъ точно сахаромъ обсыпанныя. Рѣки и пруды замерзли, и чистый, прозрачный ледъ, которымъ они покрылись, блеститъ, точно зеркало, на солнышкѣ.—А что тутъ дѣлаютъ люди? вотъ сейчасъ увидимъ: эти два мальчика запряглись въ салазки и тащатъ изъ лѣсу хворостъ, между тѣмъ какъ отецъ ихъ, стоя подлѣ своего дома, рубитъ дрова; всѣ они заботятся о томъ, чтобы въ жилищѣ ихъ было тепло. Пониже представленъ городъ: дамы и кавалеры въ большихъ саняхъ, на тройкѣ, катаются по улицамъ. Лошадки несутся вихремъ, снѣгъ клубится у нихъ подъ ногами, колокольчикъ звенитъ, сбруя побрякиваетъ!... Мы этого конечно не слышимъ, но оно должно быть такъ, потому что колокольчикъ подвязанъ подъ дугой и сбруя на лошадкахъ вся мѣдная. А вотъ сколько мальчиковъ и дѣвочекъ столпилось въ одну кучку и весело о чемъ-то хлопочатъ: они лѣпятъ изъ снѣга человѣчка! Посмотрите, ужъ вставили ему вмѣсто глазъ по черному уголькy и стараются прилѣпить два вороньи пера, въ видѣ усовъ. Одинъ изъ мальчиковъ устанавливаетъ подлѣ него палку, какъ будто онъ держитъ ее въ рукѣ; а другому очень хочется накинуть ему на голову свою мѣховую шапку. Далѣе виднѣется прудъ, покрытый льдомъ, по которому множество взрослыхъ и дѣтей катаются на конькахъ: несутся стрѣлой съ одного конца на другой, и кружатся и выдѣлываютъ разныя фигуры. Но больше всего нравилось Колѣ катанье съ ледяныхъ горъ: дѣвочки и мальчики спускаются на маленькихъ санкахъ мигомъ съ горы, а потомъ втаскиваютъ ихъ бѣгомъ съ противоположной стороны опять на гору, чтобъ снова скатиться.... Веселое, чудное житье!

Разсматривая первый листъ, Надя сказала: — „Ахъ какъ бы хорошо было, еслибы эти персики и этотъ виноградъ были настоящіе!“ А Коля, смотря на второй листокъ, восклицалъ: — „Ахъ, какъ бы я желалъ имѣть такія хорошенькія маленькія санки!“ Маменька, сидѣвшая подлѣ нихъ, слушала и улыбалась.

Наконецъ Надя открыла третій листъ и.... призадумалась! Тутъ были двѣ отдѣльныя картинки; но что онѣ изображали, — ни Надя, ни Коля не могли догадаться.

— Пожалуй, я вамъ разскажу,—сказала маменька,—только съ условіемъ: слушайте меня внимательно, такъ чтобы вы могли потомъ пересказать мнѣ все слышанное. На одной картинкѣ дѣло идетъ о нарядномъ платьицѣ,

на другой о большомъ волкѣ. Если Надя разскажетъ мнѣ завтра о платьицѣ, а Коля о волкѣ, то оба получатъ сверхъ того награду: Надя большой румяный персикъ, а Коля красивыя санки. Согласны вы на это?

— Согласны, согласны!—закричали дѣти, оба вмѣстѣ. — Начинай только, мама, поскорѣй.

— Не такъ проворно, мои милые,—возразила маменька.—Разсмотрите напередъ хорошенько картинку, а потомъ соберите все ваше вниманіе: если, слушая меня, вы задумаетесь о чемъ-нибудь другомъ, то прощай и персикъ и санки!

„Ну ужъ персикъ отъ меня не уйдетъ!“ думала про себя Надя: — „я умѣю слушать внимательно, когда захочу, ни одного слова не пророню!“ А Коля, тотъ ужъ мысленно катался съ горы на своихъ санкахъ и шепотомъ повторялъ: „лихо! лихо!“

— Ну,—сказала маменька,—я начинаю....

Жилъ былъ мальчикъ, по имени Вася. Но этотъ Вася былъ нехорошій мальчикъ: онъ не слушалъ своего отца. Отецъ его былъ лѣсничимъ и обязанъ былъ всякій день осматривать свой лѣсъ. Вася ходилъ также всякій день въ лѣсъ, но не по обязанности, а потому, что считалъ большимъ удовольствіемъ отыскивать птичьи гнѣзда и разорять ихъ: то вынималъ онъ оттуда ихъ крохотныя яички, то вытаскивалъ и самихъ пташекъ, которыя, разумѣется, скорехонько погибали. Лѣсничій строго запрещалъ сыну эти жестокія забавы и говорилъ, что большой грѣхъ мучить такъ бѣдныхъ птичекъ. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ жалобно чирикаетъ мать, еслибы вы знали, когда ея птенчиковъ вынимаютъ изъ гнѣзда! въ какомъ отчаяніи летаетъ она кругомъ! Какъ печально потомъ сидитъ на вѣткѣ, повѣсивъ головку, — и долго, долго не клюетъ сѣмячекъ! Но Вася ничего не хотѣлъ понимать. Между тѣмъ появился въ лѣсу большой, сѣрый волкъ, который выходилъ рано утромъ на лужокъ, прилегавшій къ лѣсу, и уносилъ изъ пасущагося тамъ стада бѣдныхъ, робкихъ овечекъ. Отецъ повторилъ Васѣ свое запрещеніе ходить въ лѣсъ.—„Волкъ,—говорилъ онъ ему,—схватитъ тебя, прежде чѣмъ ты успѣешь оглянуться, и тогда ужъ нѣтъ спасенія!“—Все это выдумка“,—думалъ про себя Вася:—волка вѣрно и нѣтъ въ лѣсу, и если бы онъ мнѣ и встрѣтился, то я убѣгу отъ него или на дерево вскочу“. Такимъ образомъ Вася продолжалъ тайкомъ убѣгать въ лѣсъ. Разъ пришло ему на мысль отыскать гнѣздо зяблика и вынуть оттуда яички, которыя должны быть очень красивы. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ, разгибалъ вѣтви, шарилъ въ кустахъ и наконецъ вскричалъ:—„Тутъ оно! непремѣнно тутъ!“ Передъ нимъ было большое, толстое дерево съ дупломъ, изъ котораго только-что вылетѣла прехорошенькая птичка, а на краю видны были остатки мха и нѣсколько перышекъ. Вася взлѣзъ на дерево, чтобы заглянуть сверху во внутренность дупла, и въ самомъ дѣлѣ, тамъ было гнѣздышко и въ немъ чудныя яички.—„А! добрался же я до васъ!“—сказалъ онъ громко; но едва опустилъ руку въ дупло, какъ почувствовалъ, что его правую ногу что-то крѣпко сжимало. Въ испугѣ

онъ оглянулся и увидѣлъ—о Боже!—увидѣлъ волка, который держалъ его ногу и не отпускалъ ее, какъ онъ ее ни дергалъ. Ахъ! какъ страшно блестятъ глаза лютаго звѣря! Какъ больно было ногѣ, потому что волкъ своими острыми зубами прокусилъ уже сапогъ. Бѣдный мальчикъ всѣми силами держался за дерево и звалъ на помощь. Но все было напрасно: злой волкъ стащилъ его внизъ и поволокъ къ себѣ въ нору! Вася потерялъ сознаніе. Пропалъ бѣдный мальчикъ, думаете вы! Нѣтъ, успокойтесь: Милосердый Господь сжалился надъ нимъ и послалъ ему спасеніе. Отецъ Васи проходилъ въ это время по лѣсу съ заряженнымъ ружьемъ; съ тѣхъ поръ какъ волкъ поселился въ лѣсу, онъ всегда бралъ съ собою ружье; услыша крикъ, онъ сейчасъ кинулся въ ту сторону, и можете себѣ представить его ужасъ, когда онъ увидѣлъ сына уже въ зубахъ у волка! Не теряя ни минуты, онъ выстрѣлилъ, пуля попала волку прямо въ голову,—и Вася былъ спасенъ! Отецъ, съ помощью своего егеря, поднялъ мальчика и понесъ домой. Ахъ, какую боль онъ чувствовалъ, какъ онъ стоналъ и охалъ, когда перевязывали его ногу! Нѣсколько недѣль пролежалъ онъ въ постели и много мученій долженъ былъ перенести. Но за то совершенно исправился, сталъ послушнымъ мальчикомъ и гнѣзда бѣдныхъ птичекъ оставилъ въ покоѣ.

— Вотъ, Колинька, моей повѣсти и конецъ,—сказала маменька, — постарайся не забыть ее до завтра,

— А, ты, Надя, послушай, что случилось съ *нряднымъ платьицемъ*. Взгляни прежде на картинку: видишь, какъ много тутъ на лужку дѣтей всякаго возраста: и большихъ, и маленькихъ, и дѣвочекъ, и мальчиковъ, и какъ всѣ они веселы: одни пляшутъ, другія бѣгаютъ, третьи прыгаютъ черезъ веревочку. Одна только дѣвочка, которая нарядпѣе всѣхъ, сидитъ поодаль печально, кажется, даже она плачетъ, потому что держитъ платокъ у глазъ. Что же съ нею случилось? Вотъ мы сейчасъ увидимъ. Дѣвочку эту зовутъ Соничкой. Она—милое дитя, всегда послушна, услужлива, трудолюбива, но имѣетъ пресмѣшной недостатокъ: — любитъ наряжаться и особенно нравится ей перенимать у большихъ, примѣрять чепцы, длинныя платья, мантильи, и за то всѣ домашніе прозвали ее барышней-обезьянкой. Госпожа Иванова, пріятельница Соничкиной мамаши, задумала сдѣлать у себя на дачѣ дѣтскій праздникъ. Пригласила всѣхъ знакомыхъ ей дѣтей, въ томъ числѣ и Соничку. Соня была въ восторгѣ; не такъ радовалась она празднику, какъ случаю нарядиться, и стала просить свою мамашу сдѣлать ей новенькое платьице какъ можно нарядпѣе. Ей непремѣнно хотѣлось имѣть розовое шелковое! Маменька сначала отказывала и старалась убѣдить ее, что маленькой дѣвочкѣ неприлично надѣть шелковое, нарядное платье, что ее назовутъ куклой изъ игрушечнаго магазина, и что ей самой будетъ въ немъ неловко: не знать —веселиться или беречь свое платье. Но Соничка ничего не хотѣла понимать и продолжала чуть не со слезами просить, такъ что мамаша наконецъ согласилась. Купила матерію, принялась шить. Соничка опять пристала съ просьбой сдѣлать платьице подлиннѣе.—„Ужъ не со шлейфомъ ли тебѣ сшить, дѣвочка?—спросила

маменька улыбаясь.—„Ну, хоть и не со шлейфомъ",—отвѣчала Соня, — „а все-таки подлиннѣе; такъ красивы длинныя платья на большихъ!"—„И такъ безобразны на маленькихъ!"—возразила мамаша:—ну да пусть будетъ по твоему"!

Платье сшили, Соня присмѣрила; всѣ домашніе смѣялись надъ барышней-обезьянкой, а она, смотрясь въ зеркало, восхищалась! Наконецъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый день насталъ; одѣлись, поѣхали на дачу къ г-жѣ Ивановой. День былъ сѣренькій съ самаго утра, тучки гуляли по небу. — „Это нарочно для тебя", — шутя сказала мамаша: — „чтобъ твое розовое платье не полиняло отъ солнца". Все общество было въ саду, когда онѣ пріѣхали. Соня съ довольнымъ видомъ проходила между дѣвочками. Маленькія не обращали на нее никакого вниманія, а тѣ, которыя побольше, шушукали между собой и посмѣивались, смотря на нее.. Заиграла музыка, устроились танцы, игры на большомъ, зеленомъ лужку, раскинутомъ передъ домомъ и.... вдругъ, среди общаго веселья, набѣжала шалунья-тучка и полилъ дождь! да какой? — ливень! Всѣ маленькіе гости кинулись бѣжать въ домъ. Побѣжала и наша Соничка; но длинное платьице путалось у нея подъ ногами, особенно трудно ей было взбѣжать по широкимъ ступенямъ на крыльцо, и потому, когда она вошла въ залу, всѣ крикнули: „Ахъ, бѣдное шелковое платьице!" Соня взглянула на себя и непремѣнно бы заплакала, если бы добрая мамаша не поспѣшила успокоить егѣ, говоря, что дождь — чистая вода и потому пятенъ не будетъ. Дождикъ точно хотѣлъ только подшутить надъ веселымъ обществомъ: черезъ нѣсколько минутъ пересталъ, и яркое солнышко засвѣтило; дорожки мигомъ высохли, и всѣ побѣжали опять въ садъ. Игры и танцы возобновились съ прежнимъ весельемъ. Соня отправилась было вслѣдъ за другими и собиралась плясать, но, увы! Травка, окоймлявшая дорожки, еще не совсѣмъ обсохла; Соня этого не замѣтила, шла слишкомъ къ ней близко.... и.... на подолѣ ея шелковаго платья вмигъ образовалась грязная койма! Это окончательно сконфузило бѣдную дѣвочку; она отошла въ сторону и сѣла печально на скамейку. Скучно ей было сидѣть одной; другія дѣти веселились, не обращая на нее никакого вниманія, кажется, даже совершенно забыли объ ней и ея нарядномъ платьѣ. Нѣсколько разъ подходила она къ маменькѣ и спрашивала, не пора ли ѣхать. Но онѣ были не однѣ, съ ними былъ маленькій братъ Сони, и маменька не хотѣла лишить его удовольствія попрыгать и порѣзвиться наравнѣ съ другими. Наконецъ стали разъѣзжаться; поѣхали и они. Когда сѣли въ карету, Соня шепотомъ спросила мамашу:—„Ты не очень сердишься на меня за то, что я испортила дорогое платье?"—„Нѣтъ, мой дружокъ,—отвѣчала маменька,—и если ты послѣ этого урока сдѣлаешься поумнѣе и перестанешь обезьяничать, то я, напротивъ, буду очень довольна". Соня крѣпко поцѣловала мамашу, и когда они пріѣхали домой, первая стала смѣяться надъ собой.

— Понравился ли тебѣ, мой разсказъ, Надя? спросила маменька. — „О да, очень!“ — Ну, такъ завтра перескажи мнѣ его.

Коля и Надя еще разъ пересмотрѣли картинки, передъ тѣмъ какъ ложиться спать; и на слѣдующее утро, когда маменька спросила ихъ, помнятъ ли они что-нибудь изъ слышаннаго, — препорядочно ей пересказали. За то и маменька сдержала слово: Надя получила персикъ, который сейчасъ же принялась кушать, а Коля маленькія санки, обитыя краснымъ сукномъ.

Утренняя молитва.

Все проснулось, все проснулось,
Въ небѣ солнышко горитъ....
Только спитъ одинъ лѣнивый,
Да и тотъ не крѣпко спитъ.

Птичка каждая проснулась
Въ яркой зелени вѣтвей,
Лѣсъ проснулся и трепещетъ
Въ блескѣ солнечныхъ лучей.

Жизнь повсюду встрепенулась,
Пробудился бѣдный людъ,
Принимаясь послѣ ночи
За дневной, обычный трудъ.

Вамъ пора, малютки, тоже
Кинуть мягкую кровать,
Вамъ пора, мои малютки,
Тоже глазки открывать.

Послѣ утренней молитвы,
Съ яснымъ, розовымъ лицомъ,
Вы здороваться бѣгите
Съ вашей мамой и отцомъ.

Послѣ утренней молитвы
Восхвалите свѣтлый день....
Да бѣгутъ отъ васъ всѣ скорби
И печали всякой тѣнь.

У Михайловыхъ было двое дѣтей, сынъ и дочь. Сына звали Петрушей, дочь Машей. Они жили въ большомъ красивомъ домѣ, а за домомъ былъ огромный садъ, въ которомъ росли разныя фруктовыя деревья: яблони, груши, вишни, сливы и много, очень много ягодныхъ кустовъ. Какъ любили дѣти гулять въ немъ лѣтомъ и осенью! но та бѣда, что однихъ ихъ туда не пускали. Отчего бы это? Оттого, что они были слишкомъ падки на фрукты, кушали ихъ больше чѣмъ бы слѣдовало, иногда даже и такіе, которые не совсѣмъ дозрѣли, а это очень вредно. Папенька и маменька часто остерегали ихъ, но такъ какъ они не слушались и

разъ даже были опасно больны, отъ того что покушали неспѣлыхъ сливъ, то и рѣшили не позволять имъ ходить однимъ въ садъ. А какъ иногда имъ хотѣлось выскочить и побѣгать по длиннымъ аллеямъ сада, хоть полчасика, хоть меньше, и они давали честное слово, что не тронутъ ни одной ягодки, — но имъ больше не вѣрили..

Впрочемъ Петя и Маша были очень добренькія маленькія дѣти; Машѣ только-что минуло шесть лѣтъ, а Петя былъ годикомъ старѣе ея. Они горячо любили своихъ папу и маму: — лучше папы и мамы ничего не было для нихъ на свѣтѣ, и они не знали большаго удовольствія какъ быть вмѣстѣ съ ними. Утромъ едва они просыпались, какъ уже спѣшили поздороваться съ папашей и мамашей, потомъ завтракали всѣ вмѣстѣ. Но прежде всего надо было хорошенько помолиться Богу. Петя никогда этого не забывалъ и молился съ большимъ благоговѣніемъ, что очень радовало его папеньку. Кромѣ того онъ уже началъ учить заповѣди и каждое утро выучивалъ по одной. Что же касается до проворной, рѣзвой Маши, то у нея прежде всего было на умѣ поцѣловать свою мамашу и сѣсть за чайный столъ, чтобъ пить молоко съ булочкой.

Однажды утромъ, Петя, проснувшись, умылся, одѣлся и, помолясь по обыкновенію очень внимательно, пошелъ къ отцу, чтобы сказать ему выученную заповѣдь. Маша проснулась нѣсколько позднѣе, наскоро умылась и такъ поспѣшила къ мамашѣ, что даже одѣться не успѣла. Поцѣловавъ ее, она сказала:

— Теперь хочу поздороваться съ папой.—Мамаша разсмѣялась, и, чтобъ позабавить отца, взяла дѣвочку на руки и понесла къ папѣ.

— Ахъ ты, шалунья!—сказалъ отецъ, смотря на нее:—въ какомъ это туалетѣ ты являешься?

— До туалета ли тутъ, когда я проспала,—отвѣчала дѣвочка,—мнѣ хотѣлось поскорѣй видѣть тебя и маму!

— А молилась ли ты, голубушка?—спросилъ папа.

— У-ж-о ус-пѣ-ю,—отвѣчала Маша нехотя.

— Какъ! дѣвочка,—сказалъ отецъ серьезно:—развѣ мы не должны молитвою начинать нашъ день? развѣ проснувшись и одѣвшись это не должно быть нашимъ первымъ дѣломъ?

— Отчего же должно? — спросила Маша. — Вотъ Олинька Петрова прежде свой кофе пьетъ, а потомъ ужъ молится, иногда, говоритъ, и совсѣмъ не молится — и это ничего!

— Эхъ, Маша, Маша! — сказалъ отецъ: — зачѣмъ ты слушаешь какую-нибудь шалунью Олиньку, позволяешь обманывать себя и считать за глупенькую дѣвочку, которая всему рада повѣрить. Вѣдь проснувшись ты спѣшишь къ своимъ папѣ и мамѣ: какъ же намъ всѣмъ не спѣшить къ общему Отцу нашему, къ Богу, Который съ величайшей любовію заботится о тебѣ, обо мнѣ, обо всѣхъ насъ! Который далъ намъ жизнь, даетъ пищу, поддерживаетъ наше здоровье, охраняетъ насъ ночью, бережетъ и днемъ, чтобы не случилось

съ нами чего-нибудь непріятнаго. Неужели же, проснувшись, мы не должны благодарить Его за то, что провели ночь спокойно, и просить сохранить насъ и въ наступившій день отъ всякихъ бѣдъ и опасностей?

— Опасностей?—спросила Маша торопливо. — Какихъ, папа, опасностей?

— Мало ли, дружокъ мой,—отвѣчалъ, отецъ,—такихъ случайностей въ жизни, которыхъ мы не можемъ предвидѣть, и отъ которыхъ не могли бы избавиться, если бы милосердый Отецъ нашъ небесный, Который все видитъ и все знаетъ, не удалялъ ихъ отъ насъ!

Маша призадумалась. Потомъ сейчасъ побѣжала въ свою комнату, одѣлась, помолилась и потомъ уже пришла пить свое молочко. Папенька и маменька были довольны ею; но вотъ что случилось: передъ обѣдомъ пошла она съ Петей и няней на бульваръ гулять. Петя встрѣтилъ тамъ знакомаго мальчика и сталъ играть съ нимъ и бѣгать. Вдругъ разстегнулся у него кушакъ и свалился. Няня подошла къ нему, чтобъ застегнуть, а въ это время откуда ни взялись двѣ большія собаки, изъ породы водолазовъ, которыя вздумали также играть другъ съ другомъ и по неловкости толкнули стоявшую посреди дорожки Машу, да такъ сильно, что бѣдная дѣвочка свалилась и расшибла себѣ о камушекъ лобъ до крови. Няня въ испугѣ подбѣжала къ ней, перевязала платкомъ раненый лобъ и, взявъ на руки, понесла домой. Маменька сейчасъ обмыла ранку и положила тряпочку, сложенную вчетверо и намоченную въ свинцовой водѣ. Къ удивленію, Маша не плакала и не жаловалась ни на Петю, который отозвалъ няню, ни на собакъ, которыя ее толкнули.

— Тебѣ не очень больно?—спросила ее мамаша.

— Ну, нѣтъ, порядочно таки больно,—отвѣчала Маша,—да дѣлать нечего. Это приключилось со мною вѣрно оттого, что я сегодня вставши не хотѣла молиться, а потомъ когда стала молиться, все думала о сладенькой булочкѣ—не забыли ли ее принести къ чаю. Впередъ этого не будетъ!

Послѣ обѣда Петя ужъ пошелъ одинъ гулять съ няней. Машинъ лобикъ былъ еще слишкомъ некрасивъ. Въ утѣшеніе подарили ей маленькую книжку съ картинками. Открывъ первый листъ, Маша сказала:

— О! сколько тутъ кошечекъ! и еще одинъ звѣрекъ съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, лисичка; должно быть.

— Да,—отвѣчала маменька:—это приключенія одной молодой кошечки, которую обманываетъ лисица.

— Обманываетъ?—сказала Маша:—папа сегодня говорилъ, что ненадобно давать себя обманывать. Посмотримъ, какъ обманула кошечку хитрая лисица!

— Видишь,—начала маменька:—эта картинка раздѣлена на нѣсколько отдѣленій: въ первомъ двѣ кошечки, большая и маленькая, большая должно быть мать маленькой, посмотри, какъ она ее ласкаетъ своими лапками.

Во второмъ отдѣленіи тѣ же двѣ кошечки. Большая учитъ маленькую ловить мышей; она указываетъ на мышенка, который выглядываетъ изъ-за комода, и показываетъ, какъ надо подкрасться и поймать лапками. При этомъ она ей, вѣроятно, объясняетъ, что ловить мышей есть назначеніе кошекъ и что, исполняя въ домѣ эту обязанность, онѣ не должны ничего хозяйскаго безъ позволенія трогать. Въ третьемъ отдѣленіи большой кошки уже нѣтъ, одна маленькая и къ ней подходитъ хитрая лисичка, говоря: „Охота тебѣ, глупая малютка, караулить по цѣлымъ днямъ и ночамъ какого-нибудь жалкаго мышенка, лучше бы ты воробушковъ ловила. Поймать ихъ гораздо легче и у тебя былъ бы всегда лакомый кусочекъ на обѣдъ“. — „Я не смѣю,—отвѣчала кошечка:—мнѣ мать велѣла только однѣхъ мышей ловить“.—„Мать твоя потому это говоритъ, что она сама никогда не ловила воробушковъ и не знаетъ, какъ ихъ поймать и гдѣ найти, а вотъ я тебѣ все покажу и научу,—сказала лисица. — Пойдемъ!“

Сначала кошечка не хотѣла идти, но хитрая лиса такъ сладко говорила, такъ ее умасливала и упрашивала, что она наконецъ согласилась и пошла. Лиса повела ее на крышу дома. „Тамъ,—говорила она,—много воробьевъ, и всѣ они такіе сытые, — чудное жаркое!“

И вотъ ужъ наша кошечка вмѣстѣ съ лисицей гуляютъ по крышѣ, освѣщаемыя луной. Кошечкѣ показалось это очень весело, и она забыла о всѣхъ наставленіяхъ матери. Лисичка пошныряла кругомъ и скоро замѣтила спавшаго въ углу у трубы воробушка. —„Ну, киска, покажи свою ловкость!“—сказала она, указывая на птичку. Кошечка подкралась какъ можно тише, сдѣлала прыжокъ, и бѣдный воробушекъ былъ ужъ у нея въ когтяхъ! —„Молодецъ, кошка!—сказала лисица,—теперь слѣдуетъ дѣлить добычу, половина вѣдь моя?“ Кошечка нашла это совершенно справедливымъ, и онѣ поужинали воробушкомъ.—„А что? вѣдь я правду говорила,—спросила лисица:—вкусное жаркое?“—„Превосходно!“—воскликнула кошечка, гладя себя лапкою по головѣ и мурлыча отъ удовольствія.—„А голуби и еще превосходнѣе!—продолжала хитрая лиса:—тебя завтра сведу на голубятню. Только смотри, матери ни слова! а то она будетъ бояться и тебя, пожалуй, не пуститъ“.

Кошечка исполнила приказаніе и на слѣдующій день опять шмыгнула изъ дому и убѣжала къ лисичкѣ. Лиса повела ее на голубятню, указала на маленькое отверстіе, сквозь которое можно было пролѣзть въ самый домикъ, и сказала: „Полѣзай туда смѣло, всѣ голуби теперь спятъ крѣпкимъ сномъ, выбери самаго большаго и принеси ко мнѣ“. Кошечка сдѣлала по указанію, и опять началась дѣлежка.—„Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ, какъ голуби вкусны!“—сказала она облизываясь.—„А есть нѣчто и еще вкуснѣе,—сказала лиса,—именно жареная говядина, которую подаютъ твоему хозяину каждый день на завтракъ. Если ты, кисынька, умница,—продолжала она,—то приходи завтра опять ко мнѣ, а я тебѣ укажу, какимъ путемъ и въ какое время удобнѣе всего пробраться въ столовую. Тамъ ты схватишь со стола кусокъ говядины и вотъ ужъ мы прямо поцарски по-

завтракаемъ! только помни, матери ни словечка!“ Она обѣщала, но каково ей было въ третій разъ обманывать мать, говорить неправду, увѣрять, что она все бѣгаетъ по дому, отыскиваетъ мышенковъ! Однакожъ въ назначенное время она опять отправилась къ хитрой лисѣ. Та проводила ее до столовой, гдѣ никого еще не было, и въ незатворенную дверь указала ей на столъ. Кошечка проскользнула въ комнату, прыгнула на столъ и, схвативъ съ тарелки сочный кусокъ говядины, въ одинъ мигъ очутилась ужъ подлѣ своей наставницы лисички, и раздѣлила съ нею лакомое жаркое.—„Ну, лучше жареной говядины не можетъ быть ничего на свѣтѣ!“— говорила она, облизываясь и вытирая себѣ ротъ лапкой.—„Нѣтъ, голубушка,—возразила лисица улыбаясь,—колбасы, которыя висятъ у твоего хозяина въ кладовой, еще получше жареной говядины! Приходи завтра подъвечеръ, я тебя и туда провожу—и ты на свободѣ стащишь двѣ колбасы, одну для себя, другую для меня.“

Кошечка обѣщала; но она уже привыкла обманывать, и потому, оставшись одна, стала раздумывать: „Для чего мнѣ все брать лисицу въ провожатые, дорогу въ кладовую знаю я и сама, могу попасть туда и безъ нея, тогда и дѣлиться не надо будетъ. Да и для чего мнѣ, въ угоду лисицѣ, ждать вечера;—я пойду въ полдень, тогда у меня и на завтракъ и на обѣдъ будетъ лакомый кусочекъ“. Ахъ, какъ ошиблась бѣдная кошечка! Правда, ровно въ полдень пробралась она въ кладовую безъ всякаго затрудненія; тамъ было тихо, ничто не мѣшало ей хозяйничать по своему; но едва приподнялась она на заднія лапки, а передними захватила колбасу, какъ вдругъ, — о ужасъ! — отворилась дверь — и вошелъ хозяинъ!

— „А! негодный котенокъ!—закричалъ онъ, схватя его за шею:—такъ-то ты исполняешь свою обязанность! Постой, отучу тебя лакомиться колбасами! запру въ погребъ!“ — „Мяу, мяу!“—закричала тогда кошечка. „Ахъ! зачѣмъ я послушалась хитрой лисицы, зачѣмъ обманывала мать мою!“—и она еще жалобнѣе замяукала и стала увѣрять, что никогда болѣе ничего не тронетъ, лишь бы не запирали ее. Но строгій хозяинъ былъ неумолимъ. —„Маршъ въ погребъ!“ —крикнулъ онъ, и вотъ, посмотрите, какъ она печально выглядываетъ изъ-за желѣзной рѣшетки.

Машенька посмотрѣла и пресерьезно сказала: „Небось, мама, меня ужъ никакая лисынька не сманитъ сдѣлать что-нибудь дурное“.

Дѣтскій праздникъ.

Вотъ еще двое очень милыхъ дѣтокъ, Володя и Катя,—они также братъ и сестра. Уже около полугода ходятъ они въ школу. Учатся прилежно, въ классахъ сидятъ смирно, слушаютъ внимательно, и потому всегда получаютъ хорошія отмѣтки.

Однажды, возвратясь домой, они объявили родителямъ, что въ слѣдующій понедѣльникъ назначенъ у нихъ въ училищѣ экзаменъ; что лучшимъ ученикамъ будутъ раздавать награды: хорошенькія книжки, нарядныя тетради, разноцвѣтные карандаши и тому подобное; а нѣсколько дней спустя будетъ большой дѣтскій праздникъ въ саду.

— Вотъ тогда-то мы повеселимся! — сказала Катя, — будемъ праздновать семикъ, будемъ украшать березку и плясать съ нею! Но для этого, знаешь, мама, мнѣ надо принести съ собой атласную ленту какого-нибудь яркаго цвѣта, чтобъ нацѣпить на березку: всѣ дѣвочки принесутъ по лентѣ.

— А всѣ мальчики должны имѣть флаги на длинныхъ палкахъ,—перебилъ Володя.—Сейчасъ послѣ экзамена начнемъ приготовлять себѣ флаги.

— Все это хорошо, голубчики,—сказалъ папенька,—но надо прежде объ экзаменѣ подумать и выдержать его съ честью. Мы должны помнить, что ходимъ въ школу для того, чтобъ всякій день чему-нибудь хорошему научиться, и чтобъ это выученное осталось при насъ навсегда. Съ этой цѣлью и экзамены существуютъ, то есть испытанія, твердо ли мы знаемъ выученное. Если мой Володя удачно выдержитъ экзаменъ, то у него непремѣнно будетъ нарядный голубой флагъ на красивомъ древкѣ съ позолоченной верхушкой, а если еще онъ и награду получитъ, то я подарю ему настоящее маленькое ружье!

— А я для моей дѣвочки приготовлю самую лучшую розовую ленту, лишь бы только экзаменъ сошелъ благополучно съ рукъ!—сказала маменька.

— А если я и награду получу?—спросила Катя.

— О, тогда будетъ у тебя новенькая соломенная шляпка, съ вѣнчикомъ вокругъ, отвѣчала маменька.

Катя отъ радости запрыгала, а Володя принялся обнимать папу и разспрашивать о ружьѣ, чѣмъ изъ него стрѣлять и какъ цѣлить.

— Не спѣшите радоваться,—сказалъ папаша,—все это будетъ не раньше какъ послѣ экзамена, если же экзаменъ сойдетъ худо, тогда... тогда...

— Тогда ничего не будетъ, ты хочешь сказать, папа,—перебили дѣти.—Не безпокойся, мы знаемъ все, что учили, и еще протвердимъ.

И точно, они не хотѣли ни гулять, ни играть, все повторяли уроки и другъ друга спрашивали; и когда наконецъ наступилъ понедѣльникъ, они отправились бодро и весело въ училище, потому что были увѣрены въ себѣ. Тамъ, какъ и слѣдовало ожидать, заслужили общую похвалу и получили награды: Катя — нарядную тетрадку съ хорошенькою картинкою на оберткѣ и съ надписью „*за прилежаніе*", а Володя очень забавную книжку „*Театръ звѣрей*". Мудрено описать радость дѣтей; они не шли, а почти бѣжали домой и вскочили въ комнату мамаши, едва переводя духъ. Маменька ихъ крѣпко поцѣловала и сказала:—„Идите же теперь въ кабинетъ къ папашѣ, порадуйте и его; а я между тѣмъ пойду къ Аннушкѣ (такъ звали ихъ кухарку), и распоряжусь, чтобъ она приготовила поскорѣе къ обѣду ваше любимое пирожное".

Побѣжали дѣти также весело и проворно къ папашѣ, держа подарки передъ собой, и папаша не меньше маменьки былъ радъ, онъ ласкалъ ихъ и обнималъ по нѣскольку разъ.

Обѣдъ поспѣлъ скорехонько, но дѣтямъ все-таки казалось это время долгимъ, во-первыхъ потому, что успѣшный экзаменъ придалъ имъ апетита, а во-вторыхъ, любимое пирожное, нарочно для нихъ приготовленное, очень ихъ занимало, имъ хотѣлось поскорѣе отвѣдать его. Наконецъ сѣли за столъ. Вкусный запахъ пирога распространился по столовой, но прежде надо было кушать супъ. Катя отъ нетерпѣнья болтала ножками, которыя у нея не доставали до полу; а Володя взялъ ложку и собирался поднести ее уже ко рту.

— Что ты, Володенька, собираешься, ужъ, кажется, кушать,—сказала маменька смѣясь,—а я тебѣ еще и супа не налила?

— А вы, сударыня,—обратился папенька къ Катѣ: — перекрестились ли вы, садясь за столъ? Я что-то не замѣтилъ.

— Ахъ да, можетъ быть и нѣтъ,—отвѣчала дѣвочка покраснѣвъ,—я забыла!...

— Ну, такъ встань, моя милая, и перекрестись!

Катя встала и очень внимательно перекрестилась.

— Вотъ, такъ, хорошо,—сказалъ папаша,—теперь кушай на здоровье.

— А для чего это, папаша, крестятся передъ тѣмъ какъ садиться за столъ, а въ училищѣ пансіонеры даже молитву читаютъ передъ обѣдомъ?—спросила Катя.

— Для того, мой другъ,—сказалъ отецъ,—чтобъ просить Бога благословить ту пищу, которую Онъ намъ

даетъ. Предполагается, что, дѣлая крестъ, каждый изъ насъ повторяетъ про себя ту же молитву, которую въ училищахъ читаютъ громко.

Обѣдъ продолжался весело: дѣтямъ налили воды съ виномъ въ большіе бокалы. Папенька и маменька пили ихъ здоровье, а они благодарили. Наконецъ явилось пирожное. Это былъ бисквитный пирогъ съ корицей, коринкой, цукатой и весь облитый сахаромъ. его поставили передъ дѣтьми, въ полное ихъ распоряженіе; они сами разрѣзывали и потчивали своихъ папу и маму.

— Не знаешь ли, Катя,—спросилъ отецъ,—у кого изъ твоихъ подругъ такое же вкусное пирожное сегодня?

— Такого вкуснаго, я увѣрена, ни у кого нѣтъ,—сказала проворно Катя:—только наша Аннушка умѣетъ такіе вкусные пироги печь.

— А есть-ли такія дѣвочки, у которыхъ и вовсе никакого пирожнаго не будетъ? —продолжалъ папа.

— О какъ же! вотъ у Ѳенички, напримѣръ,—мама ее знаетъ, это дочь нашей швеи, — отвѣчала Катя.

— А она хорошая, прилежная дѣвочка?—спросилъ опять папа.

— Отличная, самая прилежная во всемъ училищѣ! Она сегодня одна только двѣ награды заразъ получила!

— Вотъ какъ!—воскликнулъ отецъ.—И неужели-же у нея не будетъ пирожнаго за обѣдомъ?

— До пирожнаго-ли тутъ! Ѳеня и картофелю съ масломъ радехонька будетъ, вѣдь ея мамаша живетъ одной работой, а надо и за квартиру платить, и за Ѳеню въ школу, и кушать, и одѣться, и мало-ли еще чего, пересчитывала Катя преважно.

— Такъ, знаешь-ли что,—продолжалъ отецъ:—не пошлешь ли ты ей кусочекъ твоего пирога?

— Тогда!.. тогда...—начала Катя запинаясь.

— Тогда, конечно, у тебя будетъ меньше,—подхватилъ отецъ: —но за то, увѣряю тебя, что тотъ кусокъ, который останется у тебя, покажется тебѣ еще вкуснѣе. У тебя будетъ два удовольствія:—и самой кушать, и думать о томъ, съ какимъ удовольствіемъ кушаетъ теперь Ѳеня.

— Это такъ, но я собиралась,—продолжала Катя,—оставить частицу на завтра, чтобъ удовольствіе...

— Эхъ! кто думаетъ о завтрашнемъ своемъ удовольствіи, когда можно сегодня доставить удовольствіе ближнему!—сказалъ папа.

— Кстати, я могу разсказать вамъ случай съ однимъ мальчикомъ, который разсказывала мнѣ когда-то еще моя старушка няня,—начала мамаша. — Мальчикъ этотъ былъ сынъ богатаго крестьянина одной съ нею деревни, звали его Яшей, и шелъ онъ въ село по порученію отца. Погода была жаркая, ему захотѣлось пить. Проходя чрезъ одну деревушку, онъ подумалъ: „Хорошо бы свѣженькаго молочка напиться, оно и сытно и прохладительно.“ Въ карманѣ у него всегда водилось нѣсколько копѣекъ, и на этотъ разъ

было цѣлыхъ пять. Онъ постучалъ въ окно одного чистенькаго домика и спросилъ на двѣ копѣйки молока. Хозяйка вынесла ему цѣлую деревянную чашку и сверхъ того ломтикъ свѣжаго хлѣбца и ложку. — Утоливъ свою жажду, онъ принялся крошить хлѣбъ и кушать очень апетитно. Тутъ только замѣтилъ онъ, что изъ-за угла смотритъ на него мальчикъ, худой такой, желтый и въ изорванномъ, старенькомъ кафтанчикѣ, по всему было видно что нищенькой.—„Бѣдный мальчикъ вѣрно голоденъ",—подумалъ онъ про себя, однакожъ продолжалъ кушать, стараясь только не смотрѣть на мальчика; но глаза какъ-то сами невольно обращались въ ту сторону, а мальчикъ все стоялъ и смотрѣлъ печально. Яшѣ стало какъ-то неловко. Наконецъ завтракъ его приходилъ къ концу, ужъ видно было дно чашки, а чашка, знаете, такая нарядная, размалеванная и на днѣ виднѣлась какая-то надпись; это показалось Яшѣ очень любопытно, онъ выпилъ поскорѣе до капли молоко и прочелъ,—что бы вы думали?—два стишка:

Тотъ, кѣмъ голодный забытъ,
И самъ не долженъ быть сытъ.

Слова эти заставили Яшу покраснѣть; онъ проворно всталъ, вынулъ изъ кармана оставшіяся три копѣйки и, попросивъ хозяйку наполнить чашку снова молокомъ, подалъ ее мальчику съ двумя большими ломтями хлѣба. Какъ обрадовался бѣдняжка! съ какимъ удовольствіемъ онъ принялся кушать. У Яши даже слезы навернулись на глазахъ. И какъ весело пошелъ онъ теперь далѣе, благодаря Бога, что имѣлъ возможность купить еще молока и для бѣднаго мальчика.

Пока мамаша доканчивала свой разсказъ, Катя положила на тарелку порядочный кусочекъ пирога и, подавая ее вошедшей Аннушкѣ, сказала:—„Будь такъ добра, Аннушка, отнеси это Ѳенѣ Бобриковой, и скажи, что я желаю, чтобъ пирогъ показался ей также вкусенъ, какъ мнѣ".

— Съ удовольствіемъ, барышня, снесу,—отвѣчала Аннушка и собиралась идти.

— Постой, постой, Аннушка,—закричалъ ей Володя:—вотъ тебѣ и моя доля, чтобъ Ѳеня могла подѣлиться со своей мамашей, тогда ее кусочекъ покажется ей еще вкуснѣе.

Такъ кончился обѣдъ. Вечеръ прошелъ также пріятно въ разныхъ толкахъ о предстоящемъ праздникѣ, о флагахъ, шляпкахъ, ружьяхъ. Такъ прошли и вторникъ и середа. Наконецъ наступилъ четвергъ. Дѣти проснулись рано.

— Володя! посмотри въ окно, какова погода?—кричала Катя изъ другой комнаты.

— Великолѣпная! да развѣ ты сама не видишь, какое яркое солнышко!—кричалъ Володя сестрѣ.

— Ахъ! какъ бы поскорѣе прошло утро!—сказала въ отвѣтъ Катя.

Праздникъ назначенъ былъ послѣ обѣда. Къ удовольствію дѣтей, обѣдали въ этотъ день ранѣе

обыкновеннаго, чтобъ сдѣлать вечеръ сколько возможно длиннѣе. Ну, вотъ, подошло и время отправляться въ садъ. Дѣти нарядились: Володя съ голубымъ флагомъ и ружьемъ на перевязи; Катя—въ соломенной круглой шляпкѣ съ вѣночкомъ и съ розовой лентой въ рукахъ. И какъ они спѣшили! Папаша и мамаша едва могли поспѣвать за ними. У входа въ садъ они сошлись съ другими дѣтьми, которыя всѣ не менѣе радовались празднику. Дѣвочки были въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣточками на шляпкахъ и несли ленты для украшенія большой березки. У всѣхъ же мальчиковъ были въ рукахъ разноцвѣтные флаги. Пришла и Ѳеня, въ бѣленькомъ, чистенькомъ платьицѣ, гладко причесанная, съ узенькой голубой ленточкой въ рукѣ; но безъ шляпки и безъ цвѣтовъ.

Увидя Катю, она сейчасъ же подбѣжала къ ней и благодарила за вкусный пирожокъ. Катя посмотрѣла на ея скромный нарядъ и въ свою очередь побѣжала къ своей мамашѣ.

— Мамочка, голубушка,—сказала она,—не можешь ли вынуть изъ моего вѣночка хоть два цвѣтка, ихъ тамъ очень много.

— Что тебѣ, дѣвочка, вздумалось?—спросила маменька съ удивленіемъ.

— Ахъ, милая мамочка, я бы ихъ приколола хоть къ кушачку Ѳени, чтобъ сдѣлать ея платьице сколько нибудь понаряднѣе, посмотри, у нея совершенно ничего нѣтъ!

Хотя задача вынуть безъ ножницъ изъ вѣнка нѣсколько цвѣтовъ и не совсѣмъ легкая, но маменька принялась сейчасъ исполнять просьбу своей доброй дочки. Шляпка была снята съ головки, и по указанію Кати выдернуты одна маленькая роза и вѣтка ландышей, которыя и прикололи Ѳенѣ. Обѣ дѣвочки стали еще веселѣе и во весь вечеръ не оставляли другъ друга. Ѳеня такъ добродушо смотрѣла на Катю, а Катя поглядывала на нее, какъ будто любовалась ею. Наконецъ, разставили дѣтей въ порядокъ и началось торжественное шествіе вокругъ сада. Впереди шли шесть музыкантовъ, за ними несли разукрашенную березку, цѣлая сотня ленточекъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ развѣвалась на ней! Потомъ шли дѣвочки съ зелеными вѣтками въ рукахъ, а за ними мальчики съ разноцвѣтными флагами. Видъ былъ чудесный! Потомъ начались танцы и разныя игры. Въ саду были устроены качели, стрѣльба въ цѣль изъ луковъ для мальчиковъ и даже карусель: дѣвочки садились въ маленькія колясочки, а мальчики верхомъ на деревянныхъ хотя лошадкахъ, но осѣдланныхъ какъ слѣдуетъ, и вертѣлись вкругъ. Кому удавалось на ѣздѣ попадать пикою въ кольцо, висѣвшее на столѣ, тотъ получалъ награду: краски, пистолетикъ, флаконъ для духовъ, подушечку для булавокъ и тому подобное. Вплоть до вечера продолжалось веселье. Смѣхъ и говоръ дѣтей далеко были слышны, пока наконецъ не наступили сумерки и надо было расходиться по домамъ. Пошли и наши. Но проворная Катя отстала на этотъ разъ отъ своихъ папаши и мамаши, она чего-то еще не досказала одной изъ подругъ, потомъ, переходя чрезъ улицу, она еще стала оглядываться и раскланиваться съ выходящими изъ сада, и не

замѣтила, какъ очутилась передъ бойкими лошадьми ѣдущей на встрѣчу коляски. По счастію, добрая Ѳеничка не теряла изъ виду своей милой Кати: она мигомъ кинулась къ ней и такъ крѣпко дернула за руку, что та успѣла отскочить назадъ, и коляска проѣхала, не задѣвъ ее. Это приключеніе еще больше сблизило обѣихъ дѣвочекъ.

Два подарка.

Маленькая пятилѣтняя дѣвочка, которую вы видите сидящею на колѣняхъ у своей мамаши, называется Людмила; но всѣ зовутъ ее милочкой и, она, какъ вы сейчасъ увидите, вполнѣ заслуживаетъ это имя: — Милочка всегда весела, ласкова, послушна. —Утромъ, только что она просыпается—и уже серебристый голосокъ ея весело раздается по дому. Всѣмъ она привѣтливо улыбается, какъ будто хочетъ сказать каждому что-нибудь пріятное. Всегда очень внимательно умывается, смирнехонько сидитъ, пока разчесываютъ и завиваютъ въ локоны ея длинные бѣлокурые волоски; также терпѣливо стоитъ, когда ее одѣваютъ, и оттого Милочка является въ столовую къ утреннему чаю куколкой. Мамаша и папаша только любуются ею. Также порядочно сидитъ она за чаемъ: — не забываетъ никогда завязать себѣ салфетку на шейку, и оттого не бываетъ у нея пятнышекъ на платьѣ; ждетъ терпѣливо, пока мамаша поставитъ ей чашку съ чаемъ и положитъ сухариковъ, и пьетъ не торопясь. Также поступаетъ она и за обѣдомъ: сидитъ прямо, не играетъ ни вилкой, ни ножомъ, не крошитъ хлѣба; кушаетъ всякій супъ съ удовольствіемъ, и скатерть у ея прибора всегда чистехонька, а покушавъ она спѣшитъ въ дѣтскую, чтобъ помыть свои ручки. О! ручки моетъ она по нѣскольку разъ въ день и оттого онѣ такъ чисты, бѣлы, что поминутно слышатся: „какія славныя ручки у Милочки!“ Игрушекъ у нея много и чего только у нея нѣтъ! Всѣ ее очень любятъ, и родные и знакомые, и потому находятъ удовольствіе дарить ей. Есть у нея куколки всякой величины, есть и мебель для цѣлой кукольной комнаты и кухня со всею кухонною посудой, чайный и столовый приборы и овощная лавка, и швейцарскій домикъ съ коровками и овечками, птичьимъ дворомъ, и мало ли еще что! Но всѣ эти игрушки стоятъ у нея въ такомъ порядкѣ, какъ будто бронзовыя вещицы на маменькиной этажеркѣ; она не раскладываетъ ихъ по всей комнатѣ, какъ дѣлаютъ то многія другія дѣти, а поигравъ съ одною какой-нибудь вещью—она ставитъ ее на мѣсто, и потомъ уже принимается за другую. — Также благоразумна Милочка и во время прогу-

локъ: — она очень охотно бѣгаетъ и прыгаетъ, но никогда не убѣгаетъ такъ далеко, чтобъ мамашѣ приходилось звать ее. Не нужно маменькѣ слѣдить за нею даже и въ то время, когда имъ случается гулять въ сырую погоду: Милочка перебирается на цыпочкахъ и преловко перескакиваетъ съ камушка на камушекъ, ботинки ея всегда чистехоньки, все дѣлаетъ она со вниманіемъ, а между тѣмъ всегда весела и игрива.—

Не таковъ былъ, къ сожалѣнію, братъ Милочки — Александръ, хотя и двумя годами старѣе ея! Онъ также красивый мальчикъ, рослый, здоровый, но совершенно противоположныхъ свойствъ:—неопрятенъ, невнимателенъ! Маменькѣ приходилось безпрестанно останавливать его, дѣлать ему замѣчанія. Проснувшись, вмѣсто того чтобъ умыться и одѣться, онъ сейчасъ кидался къ своимъ игрушкамъ: — вскакивалъ на деревянную лошадь и качался на ней, или хваталъ саблю и командовалъ. Умывался наскоро, одѣвался какъ нибудь, опаздывалъ къ чаю, и потому по большей части пилъ одинъ, когда уже все кончатъ и уйдутъ. За обѣдомъ также былъ безпорядоченъ и всегда можно было угадать то мѣсто, за которымъ онъ сидѣлъ: — скатерть залита, а полъ усѣянъ разными крошками. Все какъ–то скользило у него изъ рукъ: и стаканъ съ водой зачастую опрокидывался, и картофель съ вилки падалъ на полъ вмѣсто, того чтобъ попадать въ ротъ. Оттого и платье его было всегда въ пятнахъ. — Гулять Саша очень любилъ; но сколько было хлопотъ, чтобъ привести его въ порядочный видъ, прежде чѣмъ отпустить на улицу! Надо было умывать, причесывать, переодѣвать и все это на нѣсколько минутъ: спускаясь съ лѣстницы, ужъ онъ не шелъ, какъ всѣ люди идутъ, по ступенькамъ, а захватясь за перила, часто пыльныя, соскальзывалъ по нимъ внизъ. Выйдя на улицу, онъ не пропускалъ ни одного камушка, попавшагося ему подъ ноги, чтобъ не поднять его и не кинуть въ воробушковъ или голубковъ. А иногда дотого забывался, что, оставивъ мамашу и сестру, убѣгалъ за какою нибудь собакою или кошкою; и тогда ужъ ничто его не останавливало, ни лужа, ни канавка!—прямо скачетъ туда!—Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ онъ возвращался домой съ прогулки. Однимъ словомъ, это былъ самый безпорядочный мальчикъ. Однажды маменька пошла съ обоими дѣтьми въ паркъ. Саша взялъ съ собой сѣтку, чтобъ ловить бабочекъ: это было одною изъ его любимыхъ забавъ. По счастію, бабочки рѣдко попадались въ его сѣтку; по счастію,—говорю, потому что, любуясь ими, онъ ихъ только мучилъ. Вотъ и теперь увидѣлъ онъ чуднаго мотылька, голубаго съ оранжевыми крапинками, и погнался за нимъ. Мотылекъ все обманывалъ его: присядетъ на травку или на цвѣтокъ, и только-что Саша захочетъ накрыть его,—вспорхнетъ и улетитъ далѣе. Наконецъ вотъ онъ сѣлъ на вѣтку сиреневаго куста. Сашѣ достать его было нельзя. Но подлѣ куста стояла скамейка; вскочивъ на нее, можно прикрыть мотылька; на скамейкѣ сидѣлъ болѣзненнаго вида мальчикъ. Саша не задумываясь, толкнулъ его рукой и грубо сказалъ: „Убирайся отсюда!“ Мальчикъ всталъ и прихрамывая перешелъ на другой конецъ скамейки; но при этомъ такъ грустно посмотрѣлъ на Сашу, что маменькѣ, которая все это

видѣла, стало крѣпко жаль бѣднаго мальчика. Между тѣмъ мотылекъ опять обманулъ Сашу: поднялся выше и скрылся между листочками.

— Ахъ! какой негодный, — сказалъ Саша, слѣзая со скамейки:—совсѣмъ меня измучилъ.

— Тебѣ по дѣломъ, — сказала маменька: — но за что ты обидѣлъ больнаго мальчика, сидѣвшаго на этомъ мѣстѣ? Поди сейчасъ, извинись передъ нимъ.

— Ахъ, мамаша, нѣтъ-ли у тебя гривенничка? — спросилъ Саша торопливо:—я бы лучше далъ ему на пряникъ.

— Нѣтъ, мой милый,—отвѣчала маменька:— обида и грубость не окупаются ни деньгами, ни пряниками. Надо загладить ихъ ласковымъ и дружественнымъ обращеніемъ. Сейчасъ изволь извиниться.

— Оставьте его, сударыня, мотылекъ всему виною! — сказалъ больной мальчикъ, стараясь улыбнуться. Но маменька настояла на своемъ, и Саша долженъ былъ протянуть мальчику руку и сказать: „Прости меня". Это было очень не по сердцу Сашѣ, и онъ во все время прогулки шелъ угрюмо позади, опустивъ голову и взглядывая изъ подлобья. Придя домой, онъ продолжалъ быть нелюбезнымъ; но никто не обращалъ на него вниманія. Послѣ вечерняго чая, дѣти, обыкновенно, ложились сейчасъ спать. Милочка кончила уже свой чай, потому что пила не развлекаясь, и, подойдя къ маменькѣ, сказала: „Маменька, я еще не хочу спать, протверди со мною вечернюю молитву, а я ее нетвердо знаю".

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчала мамаша, посадила дѣвочку къ себѣ на колѣни и начала говорить молитву.

Людмила внимательно за нею повторяла. Саша между тѣмъ допивалъ свой чай и, по обыкновенію, оглядывался по сторонамъ, болталъ ложкой въ чашкѣ и даже передразнивалъ свою сестрицу. Но Милочка не обращала ни на что вниманія и твердила молитву. Когда она кончила, маменька поцѣловала ее нѣсколько разъ, а Сашѣ сказала только: — „Прощай, будь завтра поумнѣе!" Милочка скорехонько улеглась и сейчасъ же уснула. Саша, которому угомониться не такъ было легко, ворочался въ кроваткѣ, и принялся разсказывать что-то сестренкѣ; комнаты ихъ были смежны и дверь оставалась растворенною, но Милочка его не слышала, потому что уже спала. Скоро и Саша замолчалъ. Около разсвѣта Милочка вдругъ проснулась и закричала брату:

— Саша, Саша, ты спишь?

— Сплю! а тебѣ что надо?

— Ахъ, Саша, какой я сонъ сейчасъ видѣла! вообрази: будто кто-то меня поцѣловалъ и сказалъ, что я сегодня ранехонько, прежде еще чѣмъ встану, получу подарокъ, и ты тоже!

— Вотъ, глупая дѣвчонка, изъ-за какихъ пустяковъ будитъ!—проговорилъ сердито Саша, и опять оба уснули.

Ужъ солнышко было высоко, когда Милочка проснулась. Она сѣла въ кроваткѣ и начала осматриваться:

нигдѣ ничего не было, ни на столѣ, ни на стулѣ; наконецъ она сунула ручку подъ подушку и... о радость!... ощупала маленькій пакетецъ.

— Саша! Саша! — закричала она: — сонъ сбылся! я нашла подарокъ, но еще не знаю что; надо развязать!

Пакетецъ былъ аккуратно свернутъ и перевязанъ розовою ленточкой. Развязавъ ее и развернувъ бумажку, Милочка опять закричала:

— Ахъ, Саша! Саша, какая прелесть! какъ я счастлива! Образокъ и на золотой цѣпочкѣ! Саша, а у тебя что?

Но Саша молчалъ и только ворочался въ постелѣ.

— Саша, Саша, что же ты молчишь? Но Саша не откликался. Дѣвочкѣ не стерпѣлось увидѣть подарокъ Саши, она вскочила съ кроватки, наскоро надѣла туфельки и халатикъ и собиралась идти въ его комнату, какъ встрѣтилась съ маменькой.

— Ахъ, мамочка, голубушка! посмотри, посмотри, что я получила, — говорила Милочка, кидаясь на шею къ мамашѣ, — и Саша долженъ былъ также что-нибудь получить: такъ мнѣ во снѣ сказано, но онъ не хочетъ отвѣчать!

— Вѣрно получилъ что-нибудь черезчуръ хорошее, такъ онъ боится, что ты позавидуешь, — отвѣчала маменька: — пойдемъ, посмотримъ.

Онѣ подошли къ кроваткѣ, но Саша закуталъ себѣ голову одѣяломъ.

— Видишь? плутишка притаился, будто спитъ, ну, да мы и сами, можетъ быть, отыщемъ! О, вотъ что-то торчитъ между стѣнкой и кроваткой! — И маменька вытащила большой свертокъ, перевязанный голубой лентой.

— У! какой большой подарокъ! что бы это могло быть? — закричала Милочка. Маменька развернула и.. и... что бы вы думали? увидѣла большую, пребольшую... розгу! Саша громко зарыдалъ.

— Всякому свое, — сказала маменька вздохнувъ.

Саша долго плакалъ. Къ чаю онъ явился, по обыкновенію, позднѣе другихъ, но все на немъ было въ порядкѣ, выпилъ чай молча, безъ шалостей и сейчасъ принялся твердить уроки. Весь день онъ былъ молчаливъ и печаленъ, но внимателенъ и вѣжливъ со всѣми. Доброй Людмилѣ было жаль брата: она нѣсколько разъ подходила къ нему съ разными предложеніями и разсказами, и Саша не отталкивалъ ее съ грубостью, какъ бывало прежде, а ласковымъ тономъ говорилъ: — „Оставь меня, Милочка, я сегодня не могу играть, ужо когда-нибудь поиграемъ“. Такъ прошелъ второй и третій день. Саша становился все веселѣе и, наконецъ, сталъ попрежнему веселымъ и живымъ мальчикомъ; но ужъ не было въ немъ той невнимательности и тѣхъ грубыхъ, дикихъ порывовъ, которые огорчали его родителей. Можно надѣяться, что онъ скоро сдѣлается совсѣмъ славнымъ мальчикомъ.

День рожденія.

Взглянувъ на картинку, вы сейчасъ отгадаете, что это день рожденья бабушки, которую дѣти пришли поздравлять. Она ихъ очень любитъ, точно также, какъ любятъ ихъ папаша и мамаша, потому что они добрыя дѣти, послушныя и прилежныя. Но есть и у нихъ свои маленькіе недостатки, отъ которыхъ имъ надо непремѣнно избавиться. Митя чрезвычайно всѣмъ увлекается: всякой игрой, всякой забавой, начнетъ ли бѣгать или рѣзвиться, ужъ все остальное забыто! Не знаетъ границъ своему веселью и никогда не умѣетъ вó-время остановиться, а это очень нехорошо! Человѣкъ, сдѣлавшій такую привычку, въ состояніи забыть всѣ свои обязанности и тѣмъ накликать на себя большія непріятности.

У сестры Митиной, Анюты, другаго рода недостатокъ: она очень легкомысленна, за все проворно и охотно принимается, но ничего не дѣлаетъ съ должнымъ вниманіемъ, оттого ничего и не выходило изъ рукъ ея такъ, какъ бы слѣдовало. Уроки учитъ она проворно, но такъ же скоро забываетъ выученное, потому что не думаетъ о томъ, что учитъ. За всякое рукодѣлье принимается очень охотно, но въ тотъ же день работа ей надоѣдаетъ и ужъ дѣлается кое-какъ. Слѣдствія такого легкомыслія бываютъ очень грустныя: можно сдѣлаться къ концу ученья совершеннымъ невѣждою и быть ни къ чему неспособнымъ.

У папеньки Мити и Анюты была славная собака, съ длинными, висячими ушами, съ пушистымъ хвостомъ и съ умными, черными, какъ уголь, глазами, а изъ какой она была породы—не знаю. Папенька очень любилъ своего Милорда (такъ звали собаку); съ Митей же были они величайшими друзьями. И почему не любить умную собаку, которая вдобавокъ умѣла и поноску носить, и черезъ палку прыгать, и въ кольцо скакать, и не только стоять, но даже ходить и плясать на заднихъ лапкахъ. Но какъ мы уже выше сказали, Митя не зналъ ни въ чемъ границъ, такъ было и относительно собаки. Милордъ, въ свою очередь, не прочь былъ порѣзвиться; цѣлое утро лежалъ онъ смирнехоньхо въ залѣ на коврѣ и какъ будто дремалъ, но лишь только Митя, возвратясь изъ школы, входилъ въ комнату, онъ вскакивалъ, махалъ хвостомъ, и пойдетъ бывало у нихъ потѣха! То Митя станетъ догонять Милорда, то Милордъ догоняетъ Митю; начиналась такая бѣготня по всѣмъ комнатамъ, что пыль поднималась столбомъ. Потомъ обо вмѣстѣ, наскучивъ бѣгать, принимались кувыркаться по полу и тогда Митя все забывалъ: — старое ли на немъ платье, новое ли, все нипочемъ! изорветъ, бывало, испачкаетъ!—Не разъ говорилъ папаша, что Митѣ не слѣдуетъ играть съ Милордомъ болѣе пяти минутъ. А мамаша частехонько повторяла ему: „Мы не запрещаемъ тебѣ играть съ собакой, только надо

знать всему мѣру“. Наконецъ, когда разъ Митя поднялъ свою обыкновенную возню съ Милордомъ, при гостяхъ, папашѣ стало очень досадно, и онъ серьезно сказалъ:

— Говорю тебѣ въ послѣднiй разъ, Митя, если ты будешь продолжать такъ увлекаться, то я въ наказанiе тебѣ выгоню собаку изъ дому.

Митя вѣрилъ словамъ папы, обѣщалъ исправиться; но сейчасъ же забывалъ. Однажды папеньки не было дома, а маменька занята была по хозяйству. Митя оставался въ комнатѣ одинъ съ Милордомъ. У него случилась въ рукахъ длинная палка. Онъ сталъ дразнить ею собаку. Сначала это очень забавляло Милорда, онъ скакалъ и ворчалъ; но потомъ такъ разозлился на палку, что вцѣпился въ нее зубами и ни за что не выпускалъ даже и тогда, когда Митя приподнялъ ее съ полу. Это мальчика чрезвычайно потѣшало:—онъ сталъ кружиться мельницей, и Милордъ, держась за палку, болтался въ воздухѣ; но вдругъ, выпустивъ ее, онъ полетѣлъ въ сторону и хлопнулся объ маленькiй столикъ, столъ пошатнулся, а стоявшая на немъ лампа упала на полъ и разбилась въ дребезги!

Въ ту же минуту обѣ противоположныя двери растворились: въ одну вошла маменька, изъ другой показался папенька. Митя и Милордъ стояли въ двухъ разныхъ углахъ, совершенно растерянные.

— Итакъ, Митя, ты заставляешь меня исполнить мое обѣщанiе, — сказалъ папенька печально: — пусть будетъ по твоему! —

Съ этими словами онъ позвалъ слугу и велѣлъ ему взять собаку:

— Дѣлай съ нею что хочешь, — сказалъ онъ: — хоть утопи! лишь бы слѣда ея не было въ домѣ. Тутъ Митя съ крикомъ плачемъ и кинулся къ папашѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ—папаша,—кричалъ онъ,—не надо топить Милорда, я одинъ виноватъ, одинъ, меня накажите!

— Твое отъ тебя не уйдетъ,—отвѣчалъ папаша,—но все-таки Милордъ долженъ быть удаленъ изъ дому.— И не смотря на просьбы и слезы Мити, Иванъ уже взялъ на руки собаку и собирался унести ее. По счастiю, въ эту самую минуту вошла бабушка, жившая въ томъ же самомъ домѣ, но только этажемъ выше.

— Батюшки,—сказала она,—что у васъ за шумъ, за возня?—Папенька разсказалъ ей о случившемся, и бабушка нашла совершенно справедливымъ разлучить Митю съ Милордомъ; только замѣтила она: — Выгонять совершенно изъ дому бѣдную собаку, которая къ намъ ко всѣмъ такъ привязана, жалко; а потому отдайте ее мнѣ, она у меня встрѣчаться съ Митей не будетъ и привыкнетъ къ порядку. У Мити отлегло на сердцѣ, когда онъ услышалъ, что папенька согласился. Бабушка же сейчасъ ушла, приказавъ Ивану нести за собой Милорда на верхъ. Что-же сдѣлалъ папенька съ Митей? онъ отвелъ его въ темный чуланъ, въ которомъ хранилась у нихъ запасная посуда, и оставивъ его тамъ, сказалъ: —

— Здѣсь ты просидишь цѣлый часъ и въ это время совѣтую тебѣ хорошенько поразсудить о томъ, какія бываютъ дурныя послѣдствія отъ того, что мы позволяемъ себѣ слишкомъ увлекаться забавой. — Митя долго горевалъ о разлукѣ съ Милордомъ и утѣшался только мыслью, что онъ по крайней мѣрѣ недалеко: — Пустятъ же меня когда-нибудь къ бабушкѣ,—думалъ онъ—тогда и увидимся.

Анюта ничего не знала о случившемся, она была въ это время въ пансіонѣ. Когда мамаша разсказала ей, она снача пожалѣла Митю, но потомъ сказала:—По дѣломъ ему! его шалости съ Милордомъ ужъ слишкомъ непріятны! еще намедни онъ заставлялъ собаку дергать меня за платье, чуть все не изорвали!

— Конечно, Митя неправъ, — отвѣчала мамаша:—но у всѣхъ есть свои недостатки, отъ которыхъ также не худо бы заранѣе освободиться. Я знаю, напримѣръ, маленькую дѣвочку, которая такъ охотно за всякое дѣло принимается, что весело смотрѣть; но на томъ и конецъ!

— Ну вотъ ты опять обо мнѣ говоришь, мама,—перебила Анюта.—А развѣ неправда?—спросила маменька,—стоитъ только заглянуть на твое вязанье, и, вѣрно, найдется нѣсколько петель спущенныхъ, и нѣсколько неправильно связанныхъ. — Ну, ну! не говори, —перебила дѣвочка и принялась цѣловать мамашу.

Прошла цѣлая недѣля послѣ этого приключенія, и Митя во все это время ни разу не видѣлъ своего дорогаго Милорда. Бабушка его къ себѣ не звала, и Милорда съ собой не приводила. Разъ за утреннимъ чаемъ, папенька сказалъ дѣтямъ:

— А вѣдь ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденья бабушки! Выучите-ка, дѣти, къ этому дню по басенкѣ. Бабушка очень любитъ слушать, когда вы разсказываете басни. Только ужъ надо выучить хорошенько.

— Охотно, охотно, отвѣчали дѣти.

— Я сейчасъ же выучу, сегодня же буду знать! — проворно отвѣчала Анюта.—Охъ, дѣвочка!—сказала мамаша,—ты такъ горячо за все принимаешься, а потомъ....

— Нѣтъ ужъ,—перебилъ папаша:—прошу тебя, Анюта, учить нынѣшній разъ какъ слѣдуетъ, нехорошо будетъ, если ты вдругъ оборвешься!

Дня черезъ два папенька спросилъ:—А что, голубчики, не забыли вы о басенкахъ?

— Я уже знаю! — проворно отвѣчала Анюта, — отлично знаю!

— Неужели? — воскликнулъ папаша, и всю знаешь?

— Знаю, знаю! — отвѣчала дѣвочка и начала говорить басню. Она запиналась почти на каждомъ словѣ, начинала снова, путалась, повторяла и наконецъ кое-какъ кончила.

— Ну,—сказалъ папаша,—видно, что ты учила, но далеко еще недоучила, совѣтую не торопясь хорошенько потвердить, время еще есть. А ты, Митя?

Митя проговорилъ всю басню безостановочно, точно въ книгѣ прочелъ.

— Молодецъ! — сказалъ папаша. — Надо только говорить не такъ проворно, и бабушка будетъ въ полномъ удовольствіи.

На другой день папенька уѣхалъ по дѣламъ въ деревню и возвратился только наканунѣ бабушкинаго рожденья, поздно вечеромъ, когда дѣти уже спали.

На слѣдующее утро маменька разбудила ихъ пораньше, одѣла попраздничному и дала въ руки Анютѣ корзиночку съ вишнями, только-что изъ-за моря привезенными, до которыхъ бабушка была большая охотница; а Митѣ букетъ ландышей, любимыхъ бабушкиныхъ цвѣтовъ, также только-что появившихся. Весело поднимались дѣти по лѣстницѣ.

— Смотрите, голубчики, — говорила мамаша, идучи за ними,—говорите басни не торопясь, со смысломъ.

— Будьте покойны, мамочка, — проговорила Анюта, — великолѣпно скажу. Митя между тѣмъ думалъ о свиданіи съ Милордомъ! Бабушка была уже вставши и сидѣла въ своихъ большихъ креслахъ, когда они вошли. Анюта первая подскочила къ ней, подала свои вишни и начала было говорить басню;—но увы!... она все позабыла! потому что съ отъѣзда папеньки, только разъ какъ-то заглянула въ книжку, и теперь ошибалась, путала и кончила тѣмъ, что совсѣмъ сконфузилась и заплакала! — Бабушка поцѣловала ее и сказала: — Вишни твои превосходны, а басенку совѣтую потвердить.

Что же Митя?—Ахъ! съ Митей вышло гораздо хуже!—только-что онъ вошелъ въ бабушкину комнату, онъ увидѣлъ Милорда!—Милордъ увидѣлъ его, оба друга кинулись, обнялись, свалились на полъ и пошли кувыркаться! Хотя Митя и вскочилъ скорехонько на ноги, но уже было поздно: несчастный букетъ, растрепанный и измятый валялся на полу; а бабушка посмотрѣла на Митю серьезно и сказала:—Ты, мой милый, кажется, только къ Милорду приходилъ въ гости? жаль, что обо мнѣ не подумалъ. Пристыженные возвратились дѣти домой и во весь день прятались въ какой нибудь уголокъ; имъ было очень совѣстно

\/\/\/\/\/\/\

Праздникъ Вознесенія.

Маленькая, граціозная Зинаида весело вбѣжала въ комнату своей мамаши:—щечки ея разскраснѣлись, голубые глазки горѣли отъ удовольствія.

— Что случилось хорошенькаго? спросила—мамаша. Она догадывалась, что въ головкѣ у Зиночки вертѣлось что-нибудь очень пріятное.

— Ахъ мамочка! сказала—Зина торопливо:—ты не забыла, что завтра большой праздникъ?

— Нѣтъ, мой дружокъ,—отвѣчала маменька,—завтра Вознесеніе Господне, и я именно думала о томъ, что завтра мы пойдемъ съ тобою къ обѣдни.

— Къ обѣдни? сказала Зина протяжно, и личико ея изъ веселаго сдѣлалось печальнымъ.

— Что же, голубушка, развѣ ты не то думала, говоря, что завтра праздникъ? — спросила маменька.

— Да, мамаша, — отвѣчала Зиночка,—но завтра обѣдня такая длинная!—Такъ что же, дружочекъ,—возразила маменька: — и праздникъ за то большой! Дѣти, которыя думаютъ, что праздникъ для того только, чтобъ имъ побольше поиграть и порѣзвиться, или очень малы, или очень неразумны. Я увѣрена, что моя Зиночка не захочетъ принадлежать къ числу этихъ послѣднихъ.

— Мамочка! да мы можемъ въ будущее воскресенье пойти къ обѣднѣ,—сказала Зиночка. — А завтра, знаешь ли что? всѣ наши знакомые отправляются гулять за городъ. Алина Голубкова говоритъ: „Погода стоитъ такая чудная, и это первый весенній праздникъ, надо провести его на чистомъ воздухѣ, въ зелени, — зелень теперь такая свѣжая и уже полевые цвѣточки распускаются“. „Прелесть“!

— Все это правда, но гдѣ же ты видѣла Алину? спросила маменька.—Мы ходили съ няней въ скверъ, — отвѣчала Зиночка: — и тамъ всѣ они были: и Петровы, и Мироновы, и Алина съ ними. И всѣ они собираются завтра гулять. Алина говоритъ, что завтра всѣ уѣдутъ изъ города и въ городѣ никого не останется!

— Ну что же?—сказала маменька.—Пожалуй и мы съ тобой отъ обѣдни пройдемъ въ паркъ, зайдемъ только домой позавтракать; а не то возьмемъ завтракъ съ собой, выберемъ въ паркѣ какое нибудь живописное мѣстечко и расположимся тамъ кушать.

— Нѣтъ, мамашечка, это можно и въ другое время, и въ воскресенье, если захочешь,—продолжала Зиночка, — а завтра всѣ они собираются гулять особеннымъ манеромъ!

— О, такъ разскажи мнѣ пожалуста, какимъ это особеннымъ манеромъ собираются они гулять? сказала маменька.

— Слушай, мама: Алина со своими мамашей, папашей и братьями и еще не знаю съ кѣмъ, встанутъ завтра ранехонько-ранехонько, задолго до разсвѣта, и поѣдутъ куда-то далеко, на высокую гору, чтобъ тамъ встрѣчать восходъ солнца. Ахъ, она говоритъ, это такъ великолѣпно!... сначала покажется розовая полоска на небѣ и станетъ дѣлаться все ярче и шире, потомъ выглянетъ частица солнышка, точно огонекъ заблеститъ, и тамъ вдругъ оно выскочитъ и все освѣтитъ! Если я съ ними поѣду, то, пока другія будутъ все стоять и ждать солнышка, мы съ Алиной будемъ бѣгать по горкѣ и рвать цвѣточки, такъ мы съ нею уговорились. А цвѣточки утромъ, говоритъ Алина,—такіе красивые, на каждомъ изъ нихъ лежатъ капельки росы, точно жемчужины.

— Ну, это удовольствіе немножко неподходящее,—сказала маменька:—если на цвѣточкахъ блестятъ капельки росы, то, значитъ, ею покрыта и вся травка, по которой вы будете бѣгать, и вы промочите себѣ ноги.

— Это не бѣда, мамаша! А вотъ прогулка, которую задумали Петровы, еще интереснѣе! Слушай только, мама: они и съ ними много ихъ знакомыхъ отправятся сегодня съ вечера также куда-то далеко, на какое-то также высокое мѣсто. У нихъ будетъ много экипажей, и коляски, и дрожки, и даже чухонскія тележки! Если я съ ними поѣду, то непремѣнно попрошу, чтобъ меня посадили въ тележку—это должно быть такъ весело! И они повезутъ съ собой и чай, и кофе, и жаркое, и пирожное, и еще знаешь что, мамаша? Палатки!... Это будетъ настоящій цыганскій таборъ! Какъ только мы пріѣдемъ, сейчасъ разложатъ большой огонь, и пока мальчики будутъ раскидывать палатки и укрѣплять ихъ, дѣвочки станутъ варить кофе. Напьются всѣ кофе съ сухарями и булочками и лягутъ спать въ палаткахъ, такъ безъ кроватей, безъ тюфяковъ, а просто на травкѣ, и если я поѣду съ ними, то лягу рядомъ съ Леночкой Петровой, такъ ужь рѣшено!

— И какъ вамъ, бѣднымъ, покажется сыро, холодно! Передъ разсвѣтомъ бываетъ всегда очень свѣжо, сказала маменька.

— Постой, мамаша, я еще не договорила. Мальчики въ это время будутъ содержать караулъ вокругъ палатокъ, чтобъ никакой звѣрь...

— То-есть *комаръ*,—подхватила маменька:—не обезпокоилъ васъ.

— Ну, мама, ты всегда что-нибудь выдумаешь! За то прогулка Ивановыхъ,—продолжала Зиночка,—тебѣ вѣрно совсѣмъ понравится. Они ѣдутъ не сегодня и не завтра до разсвѣта, а знаешь такъ, завтра пораньше, сейчасъ послѣ чая. Машенька, братъ ея Алеша, ихъ маменька и еще кто-то ѣдутъ на какое-то чудное мѣстечко, гдѣ есть большое озеро, а посреди островокъ, а на озерѣ лодочка. Я такъ люблю кататься въ лодочкѣ! Есть

и лѣсъ, густой такой, гдѣ можно сидѣть въ тѣни, можно и ландышей поискать,—теперь ужь вѣрно разцвѣли ландыши! Есть и большая ровная полянка, по которой мы будемъ бѣгать, играть въ серсо, въ мячикъ. Машенька беретъ съ собой свой большой резинковой мячъ и веревочку, чтобы прыгать. Алеша возьметъ удочку, чтобъ рыбку ловить, и обѣщаетъ насъ на лодочкѣ покатать: онъ, говорятъ, мастеръ грести. Не правда ли, какъ весело? Ну что же ты молчишь, мамаша? Ужъ я вижу, что и это тебѣ не нравится!

— Нѣтъ, мой дружокъ, ты ошиблась,—отвѣчала маменька. Прогулка собственно мнѣ очень нравится; но братъ Машеньки Алеша, ты знаешь, мнѣ крѣпко не нравится. Онъ такой записной шалунъ! Ни одной игры, въ которой онъ участвуетъ, не проходитъ безъ того, чтобъ кто-нибудь не ушибся и не заплакалъ. То онъ толкнетъ, то игрушку отниметъ, то платье изорветъ. Я боюсь за тебя.

— Нѣтъ, мамочка, голубушка,—говорила Зина, обвивъ своими бѣленькими, пухленькими ручками шею мамаши и цѣлуя ее. — Нѣтъ, не бойся, я буду очень осторожна, буду играть только съ Машенькой и поближе къ тебѣ. Поѣдемъ съ нами, мамочка, пожалуйста поѣдемъ!

— Пожалуй, дѣвочка, я очень не прочь доставить тебѣ удовольствіе,—сказала наконецъ маменька.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ явилась мамаша Машеньки съ приглашеніемъ принять участіе въ ихъ прогулкѣ, и сейчасъ же рѣшили въ которомъ часу отправляться и что съ собою взять изъ провизіи. Зиночка была внѣ себя отъ радости, прыгала, плясала, а когда пришла пора ложиться спать, она стала упрашивать свою няню разбудить ее пораньше. — Ужь пожалуста, Степановна,—говорила она: — не проспи! и меня не жалѣй будить!

— Разбужу, разбужу,—отвѣчала Степановна:—только теперь ложитесь поскорѣй и засыпайте проворнѣе.

На слѣдущій день, въ восемь часовъ, Степановна пришла будить Зиночку и едва успѣла проговорить: „барышня вставайте!"—Зина уже вскочила съ кроватки, сейчасъ умылась, одѣлась и побѣжала къ маменькѣ. Маменька еще только начала одѣваться. О, какъ долго казалось Зиночкѣ это время!

— Мамочка! ты что-то сегодня долѣе обыкновеннаго одѣваешься?—проговорила она наконецъ.

Маменька улыбнулась.—Ахъ еще надо чай пить, думала просебя Зина. Она охотно бы отъ него отказалась. Наконецъ все было кончено—и онѣ отправились. Всѣ были очень довольны прогулкою и веселы, но Зиночка была веселѣе всѣхъ: она бѣгала по лужку, точно серна, радовалась всему: и свѣжей зелени деревъ, и пѣнію птичекъ, и полевымъ цвѣточкамъ; играла охотно въ мячикъ и безпрестанно обнимала то свою мамашу, то Машеньку. Между тѣмъ Алеша стоялъ на берегу озера съ удочкой и внимательно смотрѣлъ въ воду: не клюетъ ли рыбка.

— А скоро ли мы въ лодочкѣ поѣдемъ?—спросила проворная Зиночка, подбѣжавъ къ берегу.

— Скоро, скоро,—отвѣчалъ Алеша.—Дайте только рыбки на уху наловить.

Но рыбка не ловилась, даже не подходила близко къ удочкѣ. Это ему наконецъ наскучило. Онъ кинулъ удочку и сталъ отвязывать лодку.

— Кому угодно на островокъ?—закричалъ онъ: — милости просимъ!

Всѣ подошли къ берегу, начали садиться въ лодку, но Алеша не имѣлъ опытности настоящаго гребца: лодка у него качалась и вертѣлась. Зиночка первая испугалась и закричала. Пригласили гребца, хозяина лодки, который тутъ же былъ на берегу, и поплыли. Алеша никакъ не могъ успокоиться.

— Это по твоей милости,—шепталъ онъ Зинѣ:—меня не пустили грести, по твоей! Зачѣмъ ты крикнула? И, чтобъ пугать маленькую дѣвочку, онъ всячески старался раскачивать лодку. Несмотря на то, плаваньемъ по озеру всѣ были довольны, погуляли на островкѣ и благополучно возвратились на берегъ. Добрая Зина нисколько не сердилась на Алешу и принялась также весело бѣгать. Машенька прыгала черезъ веревочку.

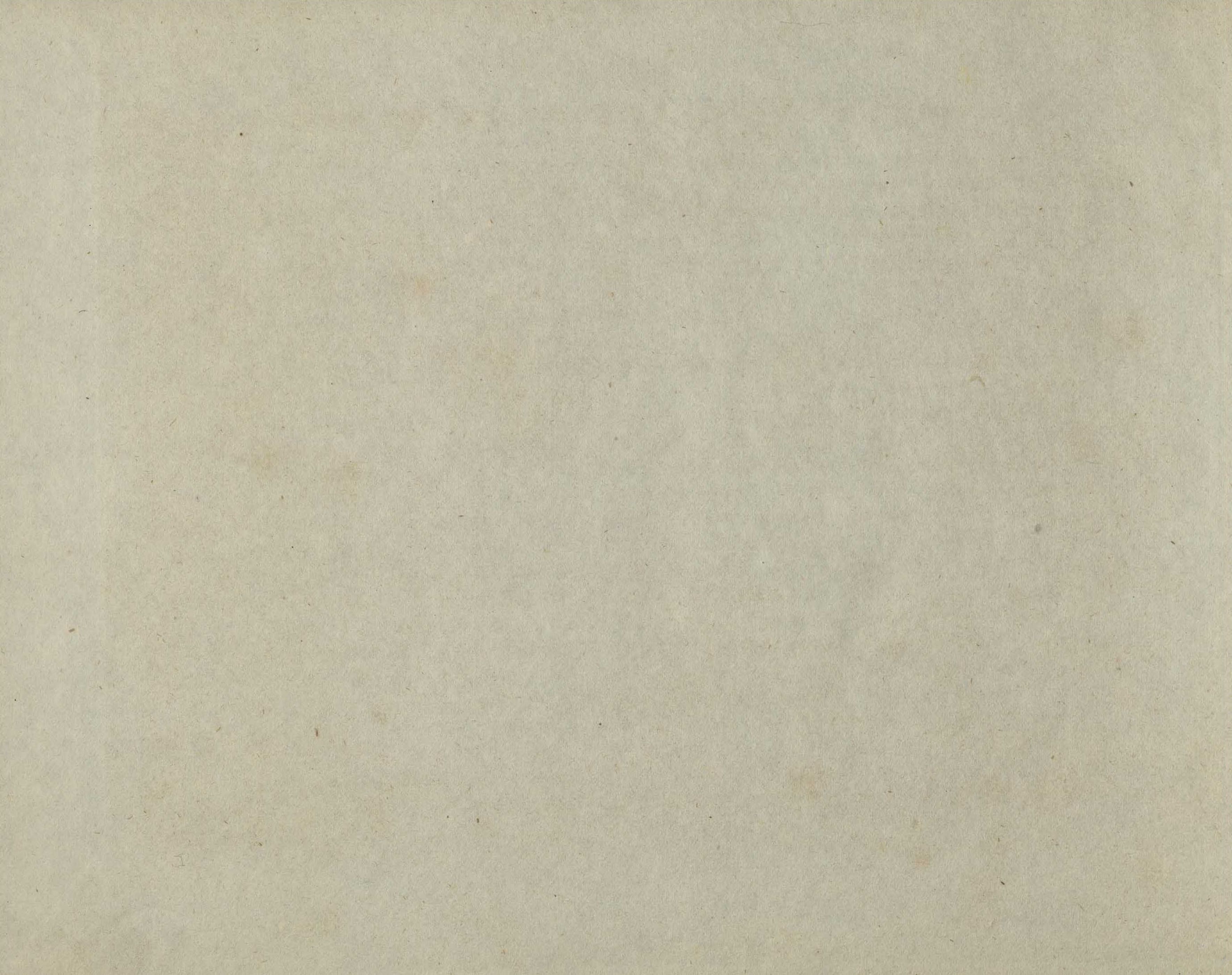
— Ты мнѣ позволишь попрыгать?—спросила у нея Зина.

— Охотно,—отвѣчала Машенька:—только удобно ли будетъ, веревка моя длинна для тебя!

— Этому горю можно помочь,—сказала Машенькина маменька,—за одинъ конецъ веревки возьми ты, за другой Алеша и вертите, а Зиночка будетъ прыгать черезъ нее.

И дѣло пошло на ладъ. Стройная, легонькая Зина прыгала такъ легко и граціозно, какъ будто перышко летаетъ. Обѣ маменьки любовались ею, между тѣмъ Алеша, который не могъ оставаться ни минуты безъ проказъ, незамѣтно такъ скрутилъ веревку, что она попала между ногъ Зины, и бѣдная дѣвочка грохнулась на земь, прежде чѣмъ ея маменька успѣла подскочить къ ней. Оно бы не бѣда, мало ли случается дѣтямъ падать, но она упала съ размаху, и вѣроятно, въ травѣ было что-нибудь жесткое, потому что у нея оказалась надъ глазомъ ранка, изъ которой сильно текла кровь. Маменька поднесла ее къ озеру, обмыла личико, завязала платкомъ и поспѣшила увезти назадъ въ городъ. Когда докторъ осмотрѣлъ ранку и залѣпилъ ее пластыремъ, Зина успокоилась и вздохнувъ сказала: — А вѣдь лучше бы было, мамаша, если бы мы пошли съ тобой къ обѣдни, а потомъ въ паркъ погулять!

КОНЕЦЪ.

2018815012